DOI: 10.17976/jpps/2018.01.04

ФАКТОРЫ НАЦИОНАЛИЗАЦИИ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ю.О. Гайворонский

ГАЙВОРОНСКИЙ Юрий Олегович, кандидат политических наук, младший научный сотрудник Лаборатории региональных политических исследований НИУ ВШЭ. Для связи с автором: guyvoronskiy@hse.ru

Гайворонский О.Ю. Факторы национализации партийной системы современной России. – Полис. Политические исследования. 2018. № 1. С. 45-61. https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.04

В данной научной работе использованы результаты проекта “Влияние институциональных факторов на региональную структуру партийной системы России”, выполненного Лабораторией региональных политических исследований в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2017 г.

Статья поступила в редакцию: 09.09.2017. Принята к печати: 16.10.2017

Аннотация. Статья посвящена изучению основных факторов, обуславливающих национализацию партийной системы современной России. Национализация в данном исследовании понимается в двуедином ключе как способность политических партий повсеместно участвовать в избирательных кампаниях, а также как территориальная однородность голосования. Это позволяет изучить становление общенациональных партий, опирающихся в процессе политической конкуренции на общенациональные паттерны электорального поведения граждан. В фокусе исследования находятся федеральные и региональные парламентские выборы в электоральном цикле 2012-2016 гг. (пропорциональная часть). Для достижения поставленной задачи автор конструирует индекс национально-регионального покрытия, способный учитывать стратегии политических партий по участию в избирательных кампаниях на разных территориальных уровнях. Значения индекса в исследуемый период показывают существенную вариацию в территориальном электоральном участии партий в зависимости от уровня их институционализации (парламентские/непарламентские), а также “возраста”. Кроме того, проведено статистическое моделирование электоральных данных, отражающих территориальную однородность голосования в российских регионах на выборах в Государственную Думу VII созыва (на основе индекса Джонса–Мейнуоринга). Так, использование метода главных компонент позволило установить, что общая структура национализации голосования весьма компактна и схожа со структурой уровня поддержки, где “Единая Россия” занимает обособленную от всех других партий позицию в электоральном пространстве (“структурное доминирование”). При этом важно учитывать размежевание между федеральными парламентскими партиями и несистемной оппозицией в совокупности с наиболее активными спойлерами. В свою очередь, регрессионный анализ подтвердил значимость региональных политических факторов в их влиянии на национализацию голосования наряду с предикторами социетальной диверсификации. В частности, это касается способности глав региональной исполнительной власти консолидировать элиты с целью обеспечения не только победы партии-инкумбента, но и высокого уровня гомогенности голосования на фоне маргинализации несистемной оппозиции, которая зачастую не принимает участия в бесперспективных для себя регионах.

Ключевые слова: политические партии; партийная система; национализация партийной системы; электоральный анализ; парламентские выборы; регионы России; губернаторы.

Национализация – один из основных показателей развития партийной системы. Она имеет своим следствием формирование общегосударственного электората и схожих паттернов электоральной поддержки в регионах на фоне повсеместного участия партий в выборах различного уровня [Caramani 2004; Golosov 2016]. Российский случай в данном плане нетипичен и потому интересен. Уже на первых выборах в Государственную Думу 1993 г. в пропорциональной части межрегиональные различия в голосовании были зафиксированы на уровне ниже среднего, и сегодня остаются одними из самых низких среди стран посткоммунистического лагеря [Голосов, Григорьев 2015]. Данный факт выглядит еще более удивительным, если учесть, что речь идет о территориальном распределении электоральных предпочтений самой большой по территории и этническому многообразию страны в мире, не говоря об отчетливо выраженной неоднородности социально-экономического развития регионов и асимметрии федеративного устройства.

Для Г. Голосова и В. Григорьева высокий уровень национализации голосования в России на первых же выборах представляет собой закономерное следствие неукорененности партий в регионах, отсутствия развитых организационных сетей на местах, за исключением КПРФ [Голосов, Григорьев 2015: 146]. В данном случае тезис о снижении уровня национализации в 1995-1999 гг. представляется обоснованным в связи с формированием губернаторских политических машин, а также противостоянием партии "Единство" и блока "Отечество – Вся Россия". Последняя как раз опиралась на губернаторские политические машины, в то время как "Единство" использовало раскрутку лейбла и актуализацию общефедеральных проблем. Но все же неясно, что можно считать объясняющим фактором в последующие электоральные циклы. С точки зрения указанных авторов, по сути, это "встраивание субнациональных режимов в новый национальный политический порядок – с целью обеспечить взаимную связку национальных и региональных элит" [ibid.: 152]. Весьма интересный вывод, но даже если губернаторские политические машины стали работать на национализацию, то вполне допустим тот факт, что они не равноэффективны и должны привносить разнообразие в территориальные паттерны поддержки партий в регионах.

Р. Туровский высокую национализацию российской партсистемы объясняет формированием электорального авторитаризма, результатом чего стала так называемая навязанная национализация [Туровский 2012]. Примечательно, что колебания индексов национализации партийной системы в России в эпоху доминирования "Единой России" соответствуют ее электоральным результатам: 0,76 (2003), 0,85 (2007), 0,78 (2011), 0,80 (2016) согласно индексу Джонса–Мейнуоринга[1]. Резонансные итоги думской кампании 2011 г. в значительной степени стали результатом кадровой политики в отношении ротации губернаторского корпуса, когда "медведевских" назначенцев сопровождали политические конфликты с местными элитами, что в свою очередь не могло не отразиться на мобилизации лояльного электората. Слабые результаты "партии власти" были получены зачастую в конфликтных регионах, что в том числе и определило последовавшие ротации [Reuter, Robertson 2012], где федеральный центр в наиболее сложных случаях сделал ставку на кандидатов, имевших опыт работы в силовых структурах (например, в Волгоградской, Кировской,

[1] За основу авторы брали индекс Джини. Здесь и далее рассматривается голосование по партийным спискам.

Тульской, Ярославской областях). По указанным причинам тезис об интеграции губернаторских политических машин, а также роли региональных политических факторов в национализации голосования представляет научный интерес и требует эмпирической проверки.

Теоретические аргументы в объяснении национализации партийных систем

В данной части работы будут рассмотрены основные причинно-следственные механизмы, посредством которых исследователи объясняют достижение более низкого или более высокого уровня национализации голосования в различных странах. В качестве таковых выделяются: социетальная диверсификация, федерализм и децентрализация, президенциализм и влияние региональных элит.

Социетальное разнообразие

Рассмотрение региональной диверсификации в ее влиянии на воспроизводство партийных систем следует начинать с классической концепции политической науки – социальных расколов [Lipset, Rokkan 1967]. Однако ее недостаток применительно к анализу посткоммунистических стран, России в частности, состоит в принципиальном отличии процессов демократизации (хотя и не везде успешной). В случае посткоммунизма переход к демократии проходил не постепенно с нарастающей инклюзией граждан в политику и расширением политических прав, а одномоментно с точки зрения институциональных преобразований. Кроме того, в условиях становления доминантной партии голосование носит скорее референдумный, а не программный характер [Gill 2012; Golosov 2011].

В связи с указанными аргументами в отношении России корректнее рассуждать о влиянии социально-экономической, поселенческой и этнической диверсификации на гомогенизацию территориальных паттернов поддержки. В литературе среди факторов указанного кластера имеется относительный консенсус о наиболее сильном отрицательном влиянии этнической (этнолингвистической) фрагментации на национализацию [Clem, Craumer 2000; Morgenstern et al. 2009; Tiemann 2012; Schakel 2013; Golosov 2016]. При этом Дж. Ишияма, изучая российские регионы, выявил нюанс, связанный с тем, что этнический фактор влияет только при голосовании за основные партии, а не по всем в совокупности [Ishiyama 2002]. Более того, изучаемая им "доля русских" оказалась негативно связанной с национализацией. К сожалению, Дж. Ишияма не смог удовлетворительно объяснить такой результат, в связи с чем он требует перепроверки.

В рамках изучения социально-экономических предикторов в целом признается значимость соотношения национальной и региональной экономической повестки дня в ее влиянии на электоральный выбор [Merrill, Grofman 1999]. При этом непосредственно экономическое развитие, как правило, изучается посредством экономической автономии (об этом будет сказано позже) или урбанизации. С одной стороны, стоит согласиться с тем, что сельское население в его традиционалистских ориентациях и ценностях не склонно поддерживать партии как современный институт политической конкуренции, поэтому вариация доли городского населения может очень сильно оказывать влияние на национализацию [Ishiyama 1996]. С другой стороны, в ситуации уже достигнутого высокого уровня проникновения основных российских

партий в регионы электоральные результаты как федеральных, так и региональных выборов показывают, что городское голосование отклоняется сильнее всего [Turovsky 2015]. Поэтому для России можно сформулировать гипотезу, которая противоречит общей точке зрения о роли сельского электората в формировании национальных партсистем.

Федерализм и децентрализация

Наряду с концепцией социальных расколов тема влияния федерализма на гомогенизацию территориальной поддержки – одна из самых разработанных. Децентрализация имеет своим следствием автономизацию региональных процессов. Региональная повестка дня отделяется от федеральной при усилении важности первой. Несмотря на очевидную связь, эмпирический анализ привел исследователей к разным выводам: одни подтверждают влияние федерализма на национализацию партсистем [Chhibber, Kollman 2004; Jones, Mainwaring 2003; Brancati 2008; Harbers 2010], а другие – нет [Caramani 2004; Deschouwer 2009; Lago-Peñas, Lago-Peñas 2011]. Также существует срединная позиция, согласно которой "региональная власть может влиять на региональные процессы или отдельные региональные выборы, но не на национализацию партий и партийных систем" [Shakel 2013: 212]. Г. Голосов [Golosov 2016], отталкиваясь от идей У. Райкера [Riker 1964] установил прямую зависимость национализации от длительности функционирования федерализма.

Президенциализм

Президенты стремятся апеллировать к национальным целям, опираются на национальные силы и ресурсы [Shugart, Carey 1992], однако Д. Бранкати отмечает, что эффект от президентской системы "передается" результатам голосования в парламент только, если выборы президента и парламента проводятся параллельно [Brancati 2008]. В случае региональных элит в России президент имеет ряд инструментов влияния: он принимает кадровые решения о назначении главы региона (до 2012 г.) или наделении его статусом временно исполняющего обязанности (после 2012 г.), имеет возможность влиять на формирование территориальных групп ведущей партии "Единая Россия" и т.д. Однако квантифицировать данное влияние президента представляется достаточно сложной задачей.

Влияние субнациональных элит

Внимание к региональным элитам при изучении процессов национализации партийных систем в 1990-е годы было преобладающим. Успех формирования национального электората и партий во многом рассматривался в плоскости борьбы федерального центра и регионов [Gelman, Golosov 1998; Solnick 1998; Ordeshook 1996]. Сильные элиты, как правило, противились интеграции общероссийских партий в свои регионы, так как это могло нарушить имеющийся статус-кво начальных этапов демократизации и становления рыночной экономики в стране [Stoner-Weiss 1997; Mendras 1999; Ishiyama 2002].

Весьма популярным объяснительным механизмом стали губернаторские политические машины, которые позволяют понять, каким образом в России удалось сформировать партийную систему с доминантной партией [Hale 2003; Berezkin et al. 2003]. При В. Путине политические машины стали работать не против Кремля, а на его поддержку, во многом по причине проведения серии

институциональных преобразований: фактического запрета региональных партий, ужесточения требований к регистрации новых партий, отмены прямых выборов губернаторов и т.д. Назначаемые губернаторы вполне могли быть наказаны (т.е. уволены) за невыполнение своих обязательств перед центральным руководством [Reuter, Robertson 2012]. Чаще других с такой проблемой сталкивались так называемые губернаторы-варяги, биографически не связанные с регионом [Подвинцев 2009]. Ослабление "Единой России" на федеральных выборах 2011 г. было обусловлено именно слабой мобилизацией голосов в регионах, возглавляемых "варягами".

НАЦИОНАЛЬНО-РЕГИОНАЛЬНОЕ ПОКРЫТИЕ КАК ИНДИКАТОР НАЦИОНАЛИЗАЦИИ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ

В данном разделе будет рассмотрена общая внутренняя структура национализации партийной системы в качестве этапа, предваряющего статистическое моделирование. В литературе имеется множество способов измерения национализации партийных систем, при этом зачастую весьма изощренных[2]. Однако в данном случае речь идет о "первом уровне" национализации партий, отражающем сам факт участия в электоральном процессе. Если партия не участвует в выборах повсеместно, то более тонкий инструментарий не имеет смысла, поэтому изучение простых показателей представляется полезным.

Предлагаемый измерительный инструмент для реализации указанной задачи является логическим продолжением индекса территориального покрытия Д. Карамани – доли регионов, в которых партия участвует на отдельно взятых выборах. Необходимость нового измерительного инструмента обусловлена ограничением данного подхода – его одномерностью, фокусированием внимания только на одном из территориально-политических уровней. В свою очередь индекс национально-регионального покрытия (ИНРП/NSCI) связывает воедино стратегии политических партий по участию в избирательных кампаниях на разных уровнях и рассчитывается в виде отношения числа случаев участия партии как на региональных, так и на федеральных выборах к общему количеству административно-территориальных единиц первого уровня (1). ИНРП можно также посчитать и для отдельного региона – региональный ИНРП (2).

$$NSCI = \frac{|N \cap S|}{k}, \quad (1)$$

где N и S – множества регионов, в которых партия i участвовала на выборах (парламентских) федерального и регионального уровня соответственно; k – общее количество регионов.

$$NSCI_{sub} = \frac{|P_n \cap P_s|}{|P_n|}, \quad (2)$$

где P_n и P_s – множества партий в регионе i, принявших участие на федеральных и региональных выборах соответственно.

[2] Соответствующий обзор см. в [Туровский 2016].

Индекс характеризуется некоторыми особенностями темпорального и структурного характера. Во-первых, в силу того, что зачастую региональные и федеральные выборы не проводятся одновременно, вероятны два варианта измерения: региональные выборы предшествуют федеральным, либо проводятся после. Также возможно использование сопоставления как ближайших/одномоментных выборов разных уровней, так и разных электоральных циклов с целью выявления динамики способности политической партии обеспечивать тотальность своего территориального электорального участия. Представляется, что базовым фактором, требующим учета в изучении динамического аспекта, являются изменения в законодательстве о выборах, как это было, например, в случае реформ середины 2000-х годов, способствовавших интеграции крупных партий в российские регионы ввиду требования о наличии региональных отделений не менее чем в половине субъектов федерации.

Во-вторых, предлагаемый индекс индифферентен к вариациям несовпадения участия-неучастия на разных уровнях выборов (участие на федеральных – неучастие на региональных, и наоборот), а фиксирует только совпадения. Для пропорциональных и смешанных систем в их пропорциональной части выдвижение партийного списка (по единому округу) на национальных выборах почти автоматически смещает оценку в сторону федерально-ориентированной, если для соответствующей партии имело место неучастие хотя бы на одних региональных выборах. Российский случай полностью соответствует описанной ситуации, поэтому вариации участия-неучастия не будут рассматриваться подробно.

Значения ИНРП во многом объясняются базовыми факторами: институционализацией (парламентские/непарламентские) политических партий и их "возрастом". Федеральные парламентские партии приняли участие во всех последних региональных кампаниях, поэтому ИНРП для них составляет единицу. С другой стороны, федеральные непарламентские партии, зарегистрированные до реформы 2011-2012 гг., демонстрируют средний уровень национально-регионального покрытия ("Патриоты России" – 0,63; "Яблоко" – 0,62). Для новых и воссозданных (например, "Родины") партий ИНРП не превышает 0,5. Наименьшие значения демонстрируют правые либеральные ПАРНАС (0,08), "Гражданская сила" (0,08), "Партия роста" (0,15) и "Гражданская платформа" (0,20). При этом следует отметить, что системная (ее председатель Б. Титов является уполномоченным при Президенте РФ по делам предпринимателей) "Партия роста", созданная по факту под очередные федеральные думские выборы, активно включилась и в региональные избирательные кампании ($ИНРП_{2016}$=0,33) во многом благодаря не только одобрению данного проекта федеральной властью, но и кооптации организационного ресурса партии-предшественника – "Правого дела".

Региональный ИНРП в электоральном цикле 2012-2016 гг. в свою очередь характеризуется понижающим трендом. В 2012 г. реформа избирательного законодательства только вступила в силу, и многие партии не успели полноценно подготовиться к участию в электоральных кампаниях (средний региональный $ИНРП_{2012}$=0,52). В 2013 г. среднее значение индекса выросло до пикового (0.69), затем наблюдается умеренный спад: 0,52 в 2014 г., 0,49 в 2015 г., 0,45 в 2016 г. Такая динамика отражает закономерную эволюцию поведения на фоне изменений "правил игры": первоначальный всплеск ин-

тереса партий (в том числе новых и воссозданных) к повсеместному участию сменяется умеренной стратегией экономии ресурсов и концентрации на наиболее перспективных регионах (даже в случае совпадения федеральных и региональных выборов), как это имеет место в случае субъектов СЗФО, где праволиберальные партии обладают достаточной поддержкой в том числе и для преодоления пятипроцентного барьера.

Наибольшие значения регионального ИНРП демонстрируют Ивановская, Нижегородская, Иркутская, Ярославская области, а также Калмыкия. В первом случае он равен 0,93, в остальных – 0,79. Во всех указанных регионах, кроме Нижегородской области, региональные выборы состоялись в 2013 г. И, наоборот, наименьший региональный ИНРП (0,29) зафиксирован в 2016 г. в четырех субъектах федерации: Республике Мордовия, Орловской области, Чукотском АО и Еврейской АО. Здесь в региональных выборах приняли участие всего по четыре партии (федеральные думские). В целом более низкие значения ИНРП (наряду с уже упомянутыми) характерны для электорально неконкурентных и/или экономически периферийных (по ВРП на душу населения) регионов, так как Адыгея, Дагестан, Чечня, Карачаево-Черкесия, Алтайский и Камчатский края, Курская, Магаданская и Новгородская области (ИНРП во всех случаях равен 0,36). Исключением в плане экономики здесь составляют Челябинская область и Ямало-Ненецкий АО (региональный ИНРП также равен 0,36), однако монопрофильная структура, скорее всего, не является фактором, способным объяснить низкие значения индекса, так как для Ханты-Мансийского АО региональный ИНПР=0,43, еще больше для Ненецкого АО и Тюменской области (по 0,50).

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОДНОРОДНОСТЬ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ РОССИЙСКИХ ПАРТИЙ

В предыдущем разделе был рассмотрен общий межуровневый аспект национализации партийной системы, что является важным, но не единственным аспектом изучаемого процесса. Наряду с различными вариациями "индексов покрытия" целесообразно обратиться и к изучению территориальной гомогенизации голосования. В данном разделе будут проанализированы результаты последних федеральных выборов в Государственную Думу (VII созыв), а также региональных заксобраний в электоральном цикле 2012-2016 гг. В указанный период электоральные кампании прошли во всех регионах, в том числе два раза в Чеченской республике (в фокус попадают досрочные выборы 2016 г.).

В качестве инструмента измерения уровня однородности поддержки партий был использован индекс национализации Джонса – Мейнуоринга (*PNS – Party Nationalization Score*), который рассчитывается как единица минус индекс Джини [Jones, Mainwaring 2003]. Чем ближе значение индекса к единице, тем более равномерно голосование. *PNS* в каждом отдельно взятом регионе рассчитывался на данных голосования в разрезе муниципальных образований (источник – ЦИК РФ). В исследуемую выборку не были включены города федерального значения по причине низкой территориальной дифференциации (в Москве, кроме того, региональные выборы теперь проходят исключительно по мажоритарной системе), а также Ненецкий АО (включает в себя всего два муниципальных образования).

Значения *PNS* по всем партиям можно преобразовать в индекс национализации партийной системы (3), обладающий теми же свойствами (PSNS – Party System Nationalization Score):

$$PSNS = \sum v_i \times PNS \ , \qquad (3)$$

где v_i – доля голосов партии *i*.

Рассмотрим национализацию голосования на федеральных выборах. "Единая Россия" демонстрирует сверхвысокий уровень пространственной однородности поддержки. Это единственная партия, средние значения *PNS* которой превышают 0,9 (0,925). Для других федеральных парламентских партий это значение также является высоким: 0,844 для КПРФ, 0,839 для ЛДПР и 0,746 для "Справедливой России". Для партий федеральной непарламентской оппозиции характерны наименьшие коэффициенты: 0,690 для ПАРНАСа и 0,694 для "Яблока". Средние результаты *PNS* остальных партий ближе к указанным значениям системной оппозиции.

Для получения целостной картины проведем процедуру "свертки" индексов *PNS* в региональном разрезе с помощью метода главных компонент. Его результаты указывают на наличие двух значимых компонент, которые позволяют весьма компактно описать имеющуюся картину: кумулятивно на две компоненты приходится 73,4 % дисперсии (63,0% – на первую, 10,4% – на вторую). Методы вращения осей не использовались.

Положение партий в пространстве однородности голосования (см. рис. 1) позволяет зафиксировать первое размежевание (компонента 1) между "Единой Россией" и всеми остальными партиями. Первая находится в позиции так называемого структурного доминирования [Ахременко 2007], что, по-видимому, оказывается логическим следствием формирования партийной системы с доминантной партией (точнее с "партией власти" в ее основании[3]), которая транслирует правительственный политический курс в общенациональном масштабе. Представляется, что выявленное размежевание в том числе должно объясняться факторами, определяющими уровень электоральной поддержки, например, сельское провластное голосование в противовес городскому и/или повышенная поддержка в республиках Северного Кавказа и Поволжья (проверка данной гипотезы будет осуществлена ниже).

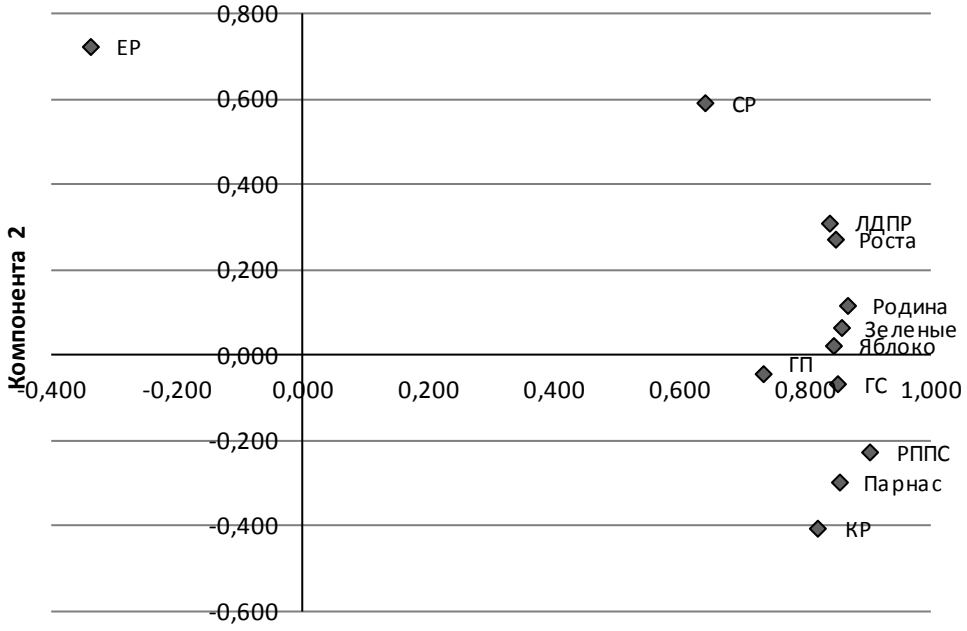
Интерпретация второй компоненты представляется более сложной задачей. На одном фланге расположены "Единая Россия", "Справедливая Россия", КПРФ, ЛДПР и "Партия роста", на другом – "Коммунисты России", ПАРНАС и "Российская партия пенсионеров за справедливость". Все прочие партии можно признать индифферентными второй компоненте в силу близости к оси *x*. По обозначенным причинам рассматриваемое размежевание не является обычным "парламентско-непарламентским". С другой стороны, с учетом особого положения "Партии роста" первую сторону рассматриваемой оппозиции можно признать федеральной парламентской, в то время как вторая является двусоставной, объединяя наиболее активных спойлеров и несистемную оппозицию.

[3] С точки зрения Б. Макаренко, одной из главных характеристик доминантных партий является их способность к формированию власти, что не характерно для российского случая. В этом ключе публицистический штамп "партия власти" вполне подходит [Макаренко 2011].

Рисунок 1 (Figure 1)

Политические партии в пространстве однородности голосования (по результатам выборов в Государственную Думу VII созыва)

Political Parties within Voting Homogeneity Space (according to the results of State Duma elections), 2016



Примечание: ЕР – "Единая Россия", КПРФ – "Коммунистическая партия Российской Федерации", ЛДПР – "Либерально-демократическая партия России", СР – "Справедливая Россия", КР – "Коммунисты России", Яблоко – Российская объединенная демократическая партия "ЯБЛОКО", РППС – "Российская партия пенсионеров за справедливость", Родина – Всероссийская политическая партия "Родина", Роста – "Партия Роста", Зеленые – Российская экологическая партия "Зеленые", ПАРНАС – "Партия народной свободы", Патриоты – "Патриоты России", ГП – "Гражданская платформа", ГС – "Гражданская сила".

От рассмотрения отдельных партий перейдем к партийным системам на уровне регионов. По данным федеральных выборов, наибольший *PSNS* зафиксирован в Карачаево-Черкесии (0,987), Чечне (0,970), Ингушетии (0,948), Северной Осетии (0,922), Мордовии (0,918), КБР (0,918), Крыму (0,911) и Кемеровской области (0,923). Почти все эти регионы отличаются неконкурентными режимами. Что касается попадания Республики Крым в данный список, то здесь прослеживается влияние интеграционных процессов с повсеместно высокой поддержкой "Единой России" как одного из индикаторов данной интеграции (а также на фоне слабой активности коммунистов и "справороссов" в регионе).

В наименьшей степени голосование национализировано в Самарской (0,813), Астраханской (0,813), Воронежской (0,816) областях, а также в Адыгее (0,817) и Калмыкии (0,819). В данном случае выделить общее свойство достаточно проблематично: здесь есть аграрные и промышленные регионы, области и республики.

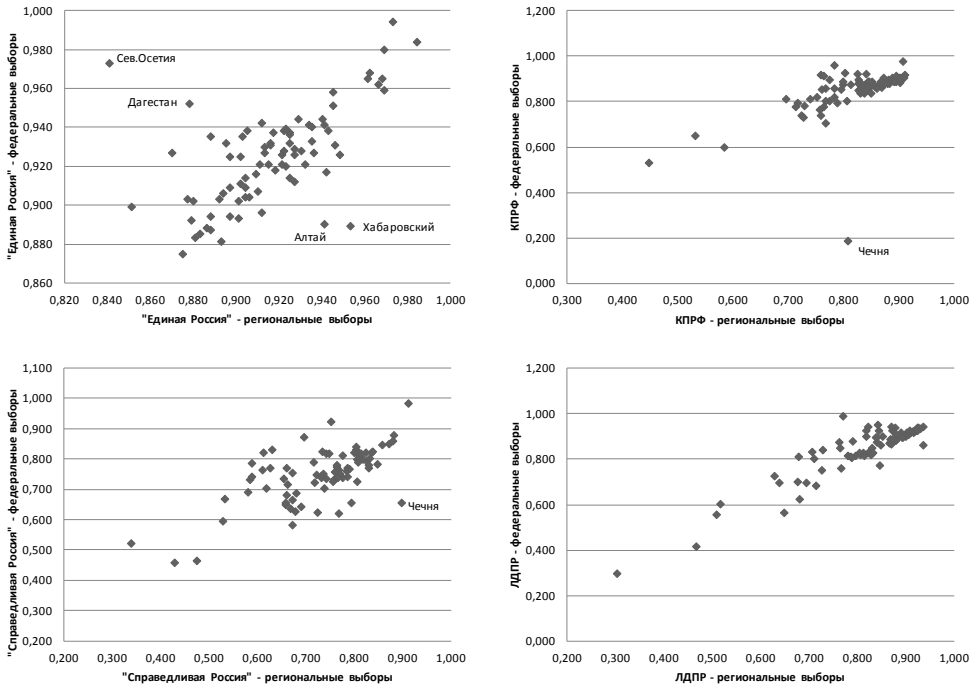
Как и в случае с индексом национально-регионального покрытия, важным аспектом национализации голосования представляется его синхронизация на федеральном и региональном уровнях. Корреляционный анализ указывает на средний уровень взаимосвязи между индексами национализации федеральной кампании 2016 г. и региональными парламентскими выборами в электоральный цикл 2012-2016 гг.: R_{PSNS}=0,579, $R_{ЕР}$=0,602, $R_{КПРФ}$=0,597, $R_{СР}$=0,664. Только для ЛДПР коэффициент Пирсона высокий (0,910).

Из рис. 2 видно, что средние по плотности корреляции наблюдаются по причине наличия отклоняющихся случаев (иначе коэффициент был бы высоким), причем не только подтверждающих имеющуюся в литературе точку зрения о том, что на федеральных выборах национализация голосования выше, но и наоборот.

Рисунок 2 (Figure 2)

Взаимосвязь национализации голосования за политические партии на региональных (2012-2016 гг.) и федеральных (2016 г.) парламентских выборах

Correlation between Nationalization of Voting at Regional (2012-2016) and Federal (2016) Parliamentary Elections (political parties level)



Так, *PNS* "Единой России" на федеральных выборах оказался значительно выше своего регионального аналога в Дагестане и Северной Осетии, но ниже в Республике Алтай и Хабаровском крае. Для КПРФ и "Справедливой России" также характерно наличие выброса ниже линии регрессии – это Чеченская Республика. ЛДПР, наоборот, имеет только один выброс (Кабардино-Балкария), где значения федерального *PNS* значительно выше регионального. Примечательно, что федерально-региональные различия обусловлены не только фактором времени, когда между региональными

и федеральными выборами – *N* лет. Так, выборы депутатов народного собрания Республики Дагестан и парламента Чеченской республики проводились совместно с федеральными думскими в 2016 г.

Рассматриваемая закономерность в целом подтверждается и для партийных систем на уровне регионов, причем здесь присутствует сразу несколько субъектов федерации с более низким *PSNS* на региональных выборах, чем на федеральных: республики Дагестан и Северная Осетия, а также Архангельская, Смоленская, Ростовская и Ярославская области. Во всех областях региональные выборы состоялись в период пикового участия новых партий – 2013 г. (в Северной Осетии в 2012 г.), т.е. в период адаптации партийной системы к новым правилам. Дагестан в данном случае скорее исключение.

Таким образом, анализ национализации партийной системы на уровне территориального участия и общая структура гомогенизации поддержки политических партий указывают на важность учета как социально-экономических факторов, так и связанных с консолидацией региональных элит, их способностью к структурированию политической конкуренции и мобилизации лояльного электората. Более надежные выводы можно сделать с помощью регрессионного анализа (*OLS*), к которому перейдем далее.

В качестве зависимой переменной на материале федеральных выборов 2016 г. были использованы значения *PNS* партий, получивших значимый результат (более 3%, в нашем случае это только парламентские партии).

Независимые переменные выбраны в соответствии с макрофакторами, выявленными в рамках анализа научной литературы. Во-первых, для тестирования тезиса о влиянии губернаторских политических машин на территориальную однородность голосования используется показатель эффективности главы региона по консолидации элиты. Соответствующий индекс предоставляется в рамках совместного проекта Агентства политических и экономических коммуникаций и Лаборатории региональных политических исследований НИУ ВШЭ по измерению эффективности управления в российских регионах. Ближайший к изучаемым выборам рейтинг был опубликован в конце 2015 г.[4], однако в первой половине 2016 г. последовал ряд ротаций глав регионов, в связи с чем из выборки были удалены Карелия и Северная Осетия, Забайкальский край, Калининградская, Кировская, Тверская, Тульская и Ярославская области.

Во-вторых, с целью изучения влияния социетальной диверсификации задействованы следующие переменные (источник – Росстат):

– ВРП на душу населения в 2015 г. (логарифм);

– индекс равномерности сельского расселения, рассчитанный по аналогии с *PNS*, где вместо результатов партий – доли сельского населения в разрезе муниципальных образований регионов (на 1 января 2016 г.);

– доля жителей региона с высшим образованием (по данным переписи 2010 г.);

– индекс этнической фрагментации, рассчитываемый как единица минус сумма квадратов долей этносов [Fearon 2003], проживающих в регионе (согласно переписи 2010 г.). Для приведения к нормальному распределению индекс был подвергнут процедуре логарифмирования.

[4] Рейтинг эффективности управления в субъектах российской федерации в 2015 году. – *Агентство политических и экономических коммуникаций*. URL: http://www.apecom.ru/projects/item.php?SECTION_ID=91&ELEMENT_ID=2362 (проверено 28.08.2017).

В-третьих, влияние федеративного устройства можно зафиксировать за счет использования дамми-переменной "республика" (где 1 – республика, а 0 – все прочие субъекты федерации[5]). В российских условиях принципы федеративного деления тесно связаны с этническим многообразием, поэтому строго разграничить влияние данных переменных не представляется возможным.

В-четвертых, дополнительной контрольной переменной, которая, как представляется, способна влиять на гомогенизацию голосования, используется количество муниципальных образований (городских округов и муниципальных районов в совокупности, поселенческий уровень не учитывался) в регионе.

Влияние равномерности сельского расселения и ВРП, а также этнической фрагментации и статуса республики, тестируется раздельно по причине их тесной взаимосвязи и порождаемой проблемы мультиколлинеарности. Также зачастую для получаемых моделей характерна гетероскедастичность, поэтому были использованы робастные стандартные ошибки.

Результаты регрессионного анализа (см. табл. 1) в целом подтверждают основную гипотезу исследования о влиянии региональных политических факторов на уровень национализации политических партий: чем более консолидирована региональная элита, тем в большей степени гомогенизирована поддержка лояльного власти электората. Для "Единой России" коэффициент уравнения регрессии оказался значимым и положительным, в то время как для КПРФ и ЛДПР – значимым и отрицательным. В свою очередь консолидация региональной элиты никак не влияет на гомогенизацию поддержки "Справедливой России", положение которой в последнем электоральном цикле неустойчивое.

Стоит отметить также, что влияние региональных правящих элит в большей степени распространяется не на рост национализации поддержки "партии власти", а на локализацию поддержки оппозиции, так как коэффициенты переменной "Консолидация элиты" больше по модулю для КПРФ и ЛДПР, чем для "Единой России". В последнем случае наиболее влиятельным фактором, диверсифицирующим поддержку "партии власти" стал уровень образования: увеличение доли населения с высшим образованием на 1% способно снижать гомогенизацию голосования на 0,003-0,004 пункта (в модели 1 это также можно видеть по уровню значимости).

Наряду с консолидацией элит систематически проявляется влияние раскола "город-село", что характерно для всех партий парламентской оппозиции: чем более локализован городской электорат, тем более локализована поддержка оппозиционных партий. Представляется, что характер влияния образования ("Единая Россия") и поселенческого раскола (парламентская оппозиция) на гомогенизацию политических партий в определенной степени имеют точки соприкосновения и могут рассматриваться как явления одного порядка.

Еще один социетальный фактор – этническая фрагментация – негативно влияет среди рассматриваемых партий только на голосование за ЛДПР, что представляется результатом националистической риторики, к которой партия обращается все реже, но продолжает испытывать ее влияние (пусть и менее сильное в сравнении с консолидацией региональной элиты), в том числе и в рамках национализации голосования.

[5] Как уже было отмечено выше, города федерального значения, а также Ненецкий АО удалены из анализа.

Таблица 1 (Table 1)

Факторы национализации голосования на федеральных выборах 2016 г.

Factors of Voting Nationalization (State Duma Elections, 2016)

	(1) ЕР	(2) ЕР	(3) КПРФ	(4) КПРФ	(5) ЛДПР	(6) ЛДПР	(7) СР	(8) СР
Консолидация элиты	**0,084**** **(0,027)**	**0,080**** **(0,024)**	**-0,166*** **(0,063)**	**-0,187**** **(0,069)**	**-0,296**** **(0,093)**	**-0,329**** **(0,107)**	-0,155 (0,085)	-0,126 (0,082)
Этническая фрагментация	0,001 (0,004)		-0,017 (0,010)			**-0,040*** **(0,016)**		
Равномерность сельского расселения	-0,009 (0,023)		**-0,144**** **(0,047)**		**-0,139*** **(0,069)**		**-0,201*** **(0,084)**	
Высшее образование	**-0,004***** **(0,001)**	**-0,003**** **(0,001)**	-0,004 (0,003)		0,000 (0,000)	0,004 (0,005)	-0,001 (0,003)	
Республика		**0,012*** **(0,006)**		-0,217 (0,023)	-0,077* (0,030)		-0,055 (0,031)	
ВРП / душу		0,000 (0,005)		-0,008 (0,012)		0,025 (0,016)		0,028 (0,019)
N муницип.	0,000 (0,000)	0,000 (0,000)	-0,001 (0,001)	-0,001 (0,001)	-0,001 (0,001)	-0,001 (0,001)	**-0,002*** **(0,001)**	**-0,002*** **(0,001)**
Константа	**0,942***** **(0,034)**	**0,920***** **(0,027)**	**10,13***** **(0,074)**	**10,05***** **(0,082)**	**10,20***** **(0,099)**	**0,835***** **(0,116)**	**10,07***** **(0,112)**	**0,684***** **(0,129)**
R-квадрат	0,240	0,281	0,335	0,147	0,394	0,300	0,270	0,126

Примечание: в скобках даны робастные стандартные ошибки; * – коэффициент значим на уровне 0,05; ** – на уровне 0,01; *** – на уровне 0,001.

В отличие от экономического развития (ВРП), которое, согласно результатам, не влияет на зависимую переменную, фактор размера региона, измеряемого как количество муниципалитетов, оказался значим для “Справедливой России”, причем влияние здесь отрицательное: увеличение количества муниципальных образований на одну единицу способно снижать национализацию голосования на 0,002 пункта. Кроме того, влияние переменной может указывать и на проблемы партии в выстраивании территориальной стратегии работы с гражданами, на кризис организаций низового уровня.

* * *

Проведенный в данной статье анализ национализации политических партий и партийной системы России подводит нас к ряду выводов. С одной стороны, в изучении российского случая нельзя не учитывать классические факторы, характерные для западных партийных систем, развивавшихся эволюционно. Это прежде всего размежевание “город-село” и тесно связанный с ним фактор размежевания по уровню образования. Однако в отличие от либеральных демократий, в России фактор экономического развития сложно признать систематически значимым. Подобный результат закономерен с учетом маргинального положения краткосрочных экономических факторов в политической жизни страны.

С другой стороны, действительно подтверждается влияние губернаторских политических машин и способности региональных правящих элит консолидировать имеющиеся ресурсы, а также мобилизовать лояльный электорат на подотчетной территории. Вероятно также, что отсутствие конфликтов в региональной элите в том числе формирует и благоприятный, если можно так выразиться, “ровный” информационный фон, который способствует гомогенизации поддержки политических “партии власти”.

Общая структура национализации партийной системы во многом схожа со структурой политической конкуренции, где "Единая Россия" занимает обособленную позицию. Представляется, что подобные закономерности характерны и для других партийных систем ограниченного плюрализма, на постсоветском пространстве в частности, однако проверка данного предположения требует дальнейших эмпирических исследований.

Ахременко А.С. 2007. Пространственное моделирование электорального выбора: развитие, современные проблемы и перспективы (II). – *Полис. Политические исследования*. № 2. С.165-179. DOI: https://doi.org/10.17976/jpps/2007.02.11

Голосов Г.В., Григорьев В.С. 2015. Национализация партийной системы: российская специфика. – *Политическая наука*. № 1. С.128-156.

Макаренко Б.И. 2011. Постсоветская партия власти: "Единая Россия" в сравнительном контексте. – *Полис. Политические исследования*. № 1. С. 42-65. URL: http://www.politstudies.ru/article/4374 (проверено 05.12.2017).

Подвинцев О.Б. 2009. Губернаторы-"варяги" и региональные политические элиты в современной России. – *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. № 2. С.56-71.

Туровский Р.Ф. 2012. Электоральное пространство России: от навязанной национализации к новой регионализации? – *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз* № 3. С. 100-120.

Туровский Р.Ф. 2016. Национализация и регионализация партийных систем: подходы к исследованию. – *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*. № 1. С. 162-180.

Berezkin A., Myagkov M., Ordeshook P. 2003. Location and Political Influence: a Further Elaboration of Their Effects on Voting in Recent Russian Elections. – *Eurasian Geography and Economics*. Vol. 44. No. 3. P. 169-183. https://doi.org/10.2747/1538-7216.44.3.169

Brancati D. 2008. The Origins and Strengths of Regional Parties. – *British Journal of Political Science*. Vol. 38. No. 1. P. 135-159. https://doi.org/10.1017/S0007123408000070

Caramani D. 2004. *The Nationalization of Politics: the Formation of National Electorates and Party Systems in Western Europe*. Cambridge: Cambridge University Press. xviii, 347 p.

Chhibber P.K., Kollman K. 2004. *The Formation of National Party Systems: Federalism and Party Competition in Canada, Great Britain, India, and the United States*. Princeton, N.J.: Princeton University Press. XIV, 276 p.

Clem R.S., Craumer P.R. 2000. Regional Patterns of Political Preference in Russia: The December 1999 Duma Elections. — *Post-Soviet Geography and Economics*. Vol. 41. No. 1. P. 1-29.

Deschouwer K. 2009. Towards Regionalization of Statewide Electoral Trends in Decentralized States? The Cases of Belgium and Spain. – *Territorial Party Politics in Western Europe*. Ed. By W. Swenden, B. Maddens. London: Palgrave Macmillan. P. 31-46.

Fearon J. 2003. Ethnic and Cultural Diversity by Country. – *Journal of Economic Growth*. Vol. 8. No. 2. P. 195-222. https://doi.org/10.1023/A:1024419522867

Gelman V., Golosov G. 1998. Regional Party System Formation in Russia: The Deviant Case of Sverdlovsk Oblast. – *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. Vol. 14. No. 1-2. P. 31-53. http://dx.doi.org/10.1080/13523279808415368

Gill G. 2012. The Decline of a Dominant Party and the Destabilization of Electoral Authoritarianism? – *Post-Soviet Affairs*. Vol. 28. No. 4. P. 449-471.

Golosov G. 2011. Russia's Regional Legislative Elections, 2003–2007: Authoritarianism Incorporated. *Europe-Asia Studies*. Vol. 63. No. 3. P. 397-414. http://dx.doi.org/10.1080/09668136.2011.557533

Golosov G. 2016. Factors of Party System Nationalization. – *International Political Science Review*. Vol. 37. No. 2. P. 246-260.

Hale H.E. 2003. Explaining Machine Politics in Russia's Regions: Economy, Ethnicity, and Legacy. – *Post-Soviet Affairs*. Vol. 19. No. 3. P. 228-263.

Harbers I. 2010. Decentralization and the Development of Nationalized Party Systems in New Democracies. Evidence from Latin America. – *Comparative Political Studies*. Vol. 43. No. 5. P. 606-627. https://doi.org/10.1177/0010414008330285

Ishiyama J. 2002. Regionalism and the Nationalization of the Legislative Vote in Post-Communist Russian Politics. – *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 35. No. 2. P. 155-168. https://doi.org/10.1016/S0967-067X(02)00005-3

Ishiyama J. 1996. The Russian Proto-Parties and the National Republics. – *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 29. No. 4. P. 395-411. https://doi.org/10.1016/S0967-067X(96)80023-7

Jones M., Mainwaring S. 2003. The Nationalization of Parties and Party Systems: an Empirical Measure and an Application to the Americas. – *Working Paper #304.* URL: https://kellogg.nd.edu/publications/workingpapers/WPS/304.pdf (accessed 03.06.2017).

Lago-Peñas I., Lago-Peñas S. 2011. Decentralization and Nationalization of Party Systems. – *Environment and Planning C: Politics and Space.* Vol. 29. No. 2.

Lipset S., Rokkan S. 1967. *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives*. New York: Free Press. 554 p.

Mendras M. 1999. How Regional Elites Preserve Their Power. – *Post-Soviet Affairs*. Vol. 15. No. 4. P. 295-311.

Merrill S., Grofman B.A. 1999. Unified Theory of Voting: Directional and Proximity Spatial Models. Cambridge: Cambridge University Press. 368 p.

Morgenstern S., Swindle S., Castagnola A. 2009. Party Nationalization and Institutions. – *Journal of Politics*. Vol. 74. No. 1. P. 1322-1341. https://doi.org/10.1017/S0022381609990132

Ordeshook P. 1996. Russia's Party System: is Russian Federalism Viable? – *Post-Soviet Affairs*. Vol. 12. No. 3. P. 195-217.

Reuter O.J., Robertson G. 2012. Subnational Appointments in Authoritarian Regimes: Evidence from Russian Gubernatorial Appointments. – *The Journal of Politics*. Vol. 74. No. 4. P. 1023-1037. https://doi.org/10.1017/s0022381612000631

Riker W. 1964. *Federalism: Origin, Operation, Significance*. Boston: Little, Brown and Company. 532 p.

Schakel A. 2013. Nationalisation of Multilevel Party Systems: A Conceptual and Empirical Analysis. – *European Journal of Political Research*. Vol.52. No. 2. P. 212–236. https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.2012.02067.x

Shugart M., Carey J. 1992. *Presidents and Assemblies*. Cambridge: Cambridge University Press. 332 p.

Solnick S. 1998. The 1996-97 Gubernatorial Elections: Outcomes and Implications. – *Post-Soviet Affairs*. Vol. 14. No. 1. P. 48–80.

Stoner-Weiss K. 1997. *Local Heroes: the Political Economy of Russian Regional Governance*. Princeton: Princeton University Press. 342 p.

Tiemann G. 2012. The Nationalization of political parties and party systems in post-communist Eastern Europe. – *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 45. No. 1. P. 77–89. https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2012.02.009

Turovsky R.F. 2015. The Systemic Opposition in Authoritarian Regimes: A Case Study of Russia's Regions. – *Civil Society Awakens? The Systemic and Non-Systemic Opposition in the Russian Federation: National and Regional Dimensions.* Ed. by C. Ross. L.: Ashgate. P. 64-82.

DOI: 10.17976/jpps/2018.01.04

FACTORS OF PARTY SYSTEM NATIONALIZATION IN CONTEMPORARY RUSSIA

Yu.O. Gaivoronsky[1]

[1] *National Research University Higher School of Economics. Moscow, Russia*

GAIVORONSKY Yurii Olegovich, Cand. Sci. (Pol. Sci.), Junior Researcher, Regional Political Research Lab, National Research University Higher School of Economics. Email: guyvoronskiy@hse.ru

Gaivoronsky Yu.O. Factors of Party System Nationalization in Contemporary Russia. – Polis. Political Studies. 2018. No. 1. P. 45-61. https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.04

Acknowledgments. The article applies results of the project "Impact of Institutional Factors on the Regional Structure of Russian Party System" (2017), carried out by the Regional Political Research Lab in the framework of NRU HSE Fundamental Research Program

Received: 09.09.2017. Accepted: 16.10.2017

Abstract. The article attempts to identify the major factors of party system nationalization in contemporary Russia. The concept of nationalization is treated as the nationwide participation in elections and territorial voting homogenization, which allows to study the formation of national parties participating in the process of political competition within nationwide standardized patterns of electoral behavior. The study is focused on national (2016) and subnational (2012-2016) parliamentary elections (proportional representation). The author introduces the national-subnational covering index, which covers election participation strategies of political parties at different territorial levels. The measuring shows a significant variation in electoral participation of the parties across the territory, what can be explained by the level of the institutionalization (parliamentary / non-parliamentary) as well as their durability. Also, statistical analysis has been carried out with data concerning voting homogeneity of the State Duma 2016 elections (according to Party Nationalization Score by Jones-Mainwaring) used as sample. Principal component analysis has revealed that the voting nationalization structure is quite compact and similar to the structure of electoral competition where "United Russia" occupies a separate position from all other parties in the electoral space (so-called "structural domination"). On the other hand, it is also important to consider the cleavage between the federal parliamentary parties and the non-systemic opposition plus the most successive spoilers. For instance, the regression analysis reveals the importance of regional political factors like the governors' ability to consolidate regional elites delivering votes in high levels of territorial homogenization. At the same time the radical opposition remains marginalized, being forced to deny participating in regional electoral campaigns.

Keywords: political parties; party system; party system nationalization; electoral analysis; parliamentary elections; regions of Russia; governors.

References

Akhremenko A.S. Spatial Modeling of Electoral Choice: Development, Modern Problems and Prospects (II). – *Polis. Political Studies*. 2007. No. 2. P. 165-179. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.17976/jpps/2007.02.11

Berezkin A., Myagkov M., Ordeshook P. Location and Political Influence: a Further Elaboration of Their Effects on Voting in Recent Russian Elections. – *Eurasian Geography and Economics*. 2003. Vol. 44. No. 3. P. 169-183. https://doi.org/10.2747/1538-7216.44.3.169

Brancati D. The Origins and Strengths of Regional Parties. – *British Journal of Political Science*. 2008. Vol. 38. No. 1. P. 135-159. https://doi.org/10.1017/S0007123408000070

Caramani D. *The Nationalization of Politics: the Formation of National Electorates and Party Systems in Western Europe*. Cambridge: Cambridge University Press. 2004. xviii, 347 p.

Chhibber P.K., Kollman K. *The Formation of National Party Systems: Federalism and Party Competition in Canada, Great Britain, India, and the United States*. Princeton, N.J.: Princeton University Press. 2004. XIV, 276 p.

Clem R.S., Craumer P.R. Regional Patterns of Political Preference in Russia: The December 1999 Duma Elections. — *Post-Soviet Geography and Economics*. 2000. Vol. 41. No. 1. P. 1-29.

Deschouwer K. Towards Regionalization of Statewide Electoral Trends in Decentralized States? The Cases of Belgium and Spain. – *Territorial Party Politics in Western Europe*. Ed. By W. Swenden, B. Maddens. London: Palgrave Macmillan. 2009. P. 31-46.

Fearon J. Ethnic and Cultural Diversity by Country. – *Journal of Economic Growth*. 2003. Vol. 8. No. 2. P. 195-222. https://doi.org/10.1023/A:1024419522867

Gelman V., Golosov G. Regional Party System Formation in Russia: The Deviant Case of Sverdlovsk Oblast. – *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. 1998. Vol. 14. No. 1-2. P. 31-53. http://dx.doi.org/10.1080/13523279808415368

Gill G. The Decline of a Dominant Party and the Destabilization of Electoral Authoritarianism? – *Post-Soviet Affairs*. 2012. Vol. 28. No. 4. P. 449-471.

Golosov G. Factors of Party System Nationalization. – *International Political Science Review*. 2016. Vol. 37. No. 2. P. 246-260.

Golosov G. Russia's Regional Legislative Elections, 2003–2007: Authoritarianism Incorporated. *Europe-Asia Studies*. 2011. Vol. 63. No. 3. P. 397-414. http://dx.doi.org/10.1080/09668136.2011.557533

Golosov G., Grigoriev V. Party System Nationalization: The Russian Specific. – *Political Science*. 2005. No. 1. P. 128-156. (In Russ.)

Hale H.E. Explaining Machine Politics in Russia's Regions: Economy, Ethnicity, and Legacy. – *Post-Soviet Affairs*. 2003. Vol. 19. No. 3. P. 228-263.

Harbers I. Decentralization and the Development of Nationalized Party Systems in New Democracies. Evidence from Latin America. – *Comparative Political Studies*. 2010. Vol. 43. No. 5. P. 606-627. https://doi.org/10.1177/0010414008330285

Ishiyama J. Regionalism and the Nationalization of the Legislative Vote in Post-Communist Russian Politics. – *Communist and Post-Communist Studies*. 2002. Vol. 35. No. 2. P. 155-168. https://doi.org/10.1016/S0967-067X(02)00005-3

Ishiyama J. The Russian Proto-Parties and the National Republics. – *Communist and Post-Communist Studies*. 1996. Vol. 29. No. 4. P. 395-411. https://doi.org/10.1016/S0967-067X(96)80023-7

Jones M., Mainwaring S. The Nationalization of Parties and Party Systems: an Empirical Measure and an Application to the Americas. – *Working Paper #304*. 2003. URL: https://kellogg.nd.edu/publications/workingpapers/WPS/304.pdf (accessed 03.06.2017).

Lago-Peñas I., Lago-Peñas S. Decentralization and Nationalization of Party Systems. – *Environment and Planning C: Politics and Space*. 2011. Vol. 29. No. 2.

Lipset S., Rokkan S. *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives*. New York: Free Press. 1967. 554 p.

Makarenko B.I. Post-Soviet Party of Power: the "United Russia" in a Comparative Context. – *Polis. Political Studies*. 2011. No. 1. P. 42-65. (In Russ.) URL: http://www.politstudies.ru/en/article/4374 (accessed 05.12.2017).

Mendras M. How Regional Elites Preserve Their Power. – *Post-Soviet Affairs*. 1999. Vol. 15. No. 4. P. 295-311.

Merrill S., Grofman B.A. Unified Theory of Voting: Directional and Proximity Spatial Models. Cambridge: Cambridge University Press. 1999. 368 p.

Morgenstern S., Swindle S., Castagnola A. Party Nationalization and Institutions. – *Journal of Politics*. 2009. Vol. 74. No. 1. P. 1322-1341. https://doi.org/10.1017/S0022381609990132

Ordeshook P. Russia's Party System: is Russian Federalism Viable? – *Post-Soviet Affairs*. 1996. Vol. 12. No. 3. P. 195-217.

Podvintsev O. Governors-"outliers" and Regional Political Elites in Contemporary Russia. – *Political Expertise: POLITEX*. 2009. No. 2. P. 56-71. (In Russ.)

Reuter O.J., Robertson G. Subnational Appointments in Authoritarian Regimes: Evidence from Russian Gubernatorial Appointments. – *The Journal of Politics*. 2012. Vol. 74. No. 4. P. 1023-1037. https://doi.org/10.1017/s0022381612000631

Riker W. *Federalism: Origin, Operation, Significance*. Boston: Little, Brown and Company. 1964. 532 p.

Schakel A. Nationalisation of Multilevel Party Systems: A Conceptual and Empirical Analysis. – *European Journal of Political Research*. 2013. Vol. 52. No. 2. P. 212–236. https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.2012.02067.x

Shugart M., Carey J. *Presidents and Assemblies*. Cambridge: Cambridge University Press. 1992. 332 p.

Solnick S. The 1996-97 Gubernatorial Elections: Outcomes and Implications. – *Post-Soviet Affairs*. 1998. Vol. 14. No. 1. P. 48–80.

Stoner-Weiss K. *Local Heroes: the Political Economy of Russian Regional Governance*. Princeton: Princeton University Press. 1997. 342 p.

Tiemann G. The Nationalization of political parties and party systems in post-communist Eastern Europe. – *Communist and Post-Communist Studies*. 2012. Vol. 45. No. 1. P. 77–89. https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2012.02.009

Turovsky R. Russian Electoral Space: From the "Imposed" Nationalization to a New Regionalization? – *Polity. Polity: Analysis. Chronicle. Forecast*. 2012. No. 3. P. 100-120. (In Russ.)

Turovsky R. Party Systems Nationalization and Regionalization: Approaches to Study. – *Polity: Analysis. Chronicle. Forecast*. 2016. No. 1. P. 162-180. (In Russ.)

Turovsky R.F. The Systemic Opposition in Authoritarian Regimes: A Case Study of Russia's Regions. – *Civil Society Awakens? The Systemic and Non-Systemic Opposition in the Russian Federation: National and Regional Dimensions*. Ed. by C. Ross. L.: Ashgate. 2015. P. 64-82.